

Юрген Штрауб¹

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ: НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ И ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА

Этот доклад основан на концептуальном анализе теоретического конструкта «межкультурная компетенция» (доклад на эту тему был сделан на IX Международных Лихачевских научных чтениях 2009 г. и опубликован на сайте конференции). Ниже я рассмотрю два важных вопроса, касающихся довольно популярного термина «межкультурная компетенция». В последнем разделе я попытаюсь обрисовать в общих чертах то, что понимается как гуманистическая перспектива межкультурной компетенции в современном глобализированном мире. Цель всех этих размышлений — дать пищу для осмысления и обсуждения проблем межкультурного общения, сотрудничества и сосуществования в мире, полном культурных различий.

Я разделю свои комментарии на три тематические части, каждая из которых, в свою очередь, имеет подразделы:

¹ Заведующий кафедрой социальной теории и социальной психологии факультета социальных наук Рурского университета (ФРГ), доктор философии, профессор. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч. книг по проблемам межкультурной коммуникации и компетентности, качественным исследованиям и использованию биографического метода в гуманитарных науках, теории действия, проблемам идентичности и нарративному анализу, культурной психологии и культурной антропологии: «Vestern, Kritik, Anerkennung», «Theoretische, methodologische und methodische Argumentationen in systematischer Adssicht» и др.

1. О цели научных определений: попытка предметной и практико-теоретической дифференциации «межкультурной компетенции».

2. О нормативном содержании научных понятий: попытка объективации нашей доброй воли.

3. Гуманистическая перспектива.

О цели научных определений: попытка предметной и практико-теоретической дифференциации «межкультурной компетенции»

Научные определения не охватывают «явления как таковые». Не существует «правильного» определения, которое соответствовало бы самому явлению. Это же касается и «межкультурной компетенции». В этом отношении предложенные определения не отражают «сущности» или «существа» самого явления. «Межкультурная компетенция» — это скорее довольно сложный теоретический конструкт, которому мы можем дать определение и применить, так или иначе, для достижения *конкретных целей* — научных или практических. Будучи учеными, мы уславливаемся об определении; мы делаем это не потому, что знаем, что такое «межкультурная компетенция» «в действительности» или «на самом деле», а потому, что по каким-то веским причинам мы считаем соответствующий теоретический конструкт полезным для достижения определенной цели.

Кроме того, такое понятие помогло бы нам распознать и переформулировать признаки правил применения, которые важны для обеспечения нашей жизни и работы и которые мы, как и все люди, используем в определенных (*типичных или стандартизованных*) ситуациях. Это именно то, что происходит со всеми внутренне разграниченными психологическими «моделями компетенции», которые разграничивают и «интегрируют» определенные способности человека (такие, как установки, знания, навыки и мнения; точнее, можно, например, провести разграничение между владением языками, определенными знаниями норм поведения, характерных для разных культур, терпимость к неточностям, и т. д.). Все современные составляющие или компонентные модели межкультурной компетенции структурированы таким образом (хотя лично мне не известны случаи, в которых было бы определено, как следует понимать «интеграцию различных компонентов; какой статус имеют отдельные компоненты (центральные или периферийные; чрезвычайно релевантные или вполне релевантные; всегда или крайне редко уместные); необходимы ли они или даже необходимы и достаточны для актов межкультурной компетенции; в каких (эмпирических или логических) отношениях они находятся между собой; как они взаимодействуют друг с другом и т. д.)¹

Если описанный прагматический подход к ориентированной на цели природе научных определений приемлем, тогда относительно нашей дальнейшей работы над понятием «межкультурная компетенция» неизбежно возникают следующие вопросы:

А) Целесообразно ли (уже сегодня) формулировать общее обоснованное и, предположительно, охватывающее разные ситуации определение? Или, возможно, было бы не только более здравым, но и гораздо более полезным и продуктивным сначала выстроить определения межкультурной компетенции как *профильные* или *предметные* конструкты, которые вводятся в обращение соответственно определенным ситуациям и актуальным практическим потребностям? В этом случае мы можем сохранить, конкретизировать и осмыслить, учитывая все последствия, перспективу, которая уже сегодня имеется в нашем распоряжении в форме житейской интуиции. Кто сомневается, например, в том, что межкультурная компетенция одинакова и может быть только таковой в следующих случаях:

- дети в поликультурном классе начальной школы;
- подростки, чья первая любовь приводит их к бiculturalным отношениям;
- партнеры в длительном бiculturalном браке;
- гиды, работающие с туристами во всевозможных регионах мира;
- сотрудники служб, оказывающих помощь в развитии развивающихся странам или странам с переходной экономикой, или этнологи, создающие национальные музеи;

— миссионеры, путешествующие с религиозной проповедью;

- инженеры в поликультурных рабочих группах;
- менеджеры межкультурных переговоров;
- солдаты международных миссий?

Я думаю, никто.

Б) Возможно ли с помощью эмпирических исследований отдельных групп людей в отдельных сферах деятельности и областях жизни (или с помощью систематического анализа имеющихся результатов исследований) разработать предметную *типологию* межкультурной компетенции, и уже на основе этой типологии обозначить общие и, следовательно, абстрактные характерные признаки этого конструкта? Я придерживаюсь мнения, что многие вопросы, рассматриваемые в современной «международной дискуссии» как доказанные и повсеместно принятые, в этом отношении остаются спорными. Например, практически во всех определениях критерии *адекватности* и *эффективности* являются основными характеристическими свойствами межкультурной компетенции. Имеется в виду приблизительно следующее:

— «адекватность»: «действия участников коммуникативного акта соответствуют ожиданиям и требованиям ситуации. Соответствующий случаю тип коммуникации означает, что люди используют знаки, которые, как от них ожидается, они и должны использовать в данном контексте» (Люстиг / Кестер, 2003, 64);

— «эффективность» оценивается согласно мере, в которой «желаемые личные цели» были достигнуты: «Удовлетворенность в отношениях или достижение определенной заданной цели — это пример результата, который люди желают получить при общении с другими» (там же).

Анализируя эти критерии, нетрудно заметить, что понятие «эффективности» главным образом и в общем связывает межкультурную компетентность с моделью целенаправленного рационального и целевого действия и таким образом абсолютизирует этот тип действия. Действующих лиц, обладающих межкультурной компетенцией, интересуют исключительно «желаемые личные результаты», «достижение определенной заданной цели» и т. п. Но задумайтесь еще раз над перечисленными выше примерами совершенно разных сфер деятельности, областей жизни и групп людей! Эти примеры также напоминают нам, что часто не только достижение личных целей или стремление к достижению определенных заданных целей руководят нашими действиями (в том числе и межкультурными группами). Иными словами: мы не всегда действуем целенаправленно или рационально в достижении цели, инструментально и стратегически, короче говоря, не всегда ориентируемся на эффективность! Это соображение предполагает *практико-теоретически обоснованную* дифференциацию теоретического конструкта, который нас интересует. Повторимся: подумайте о детях, играющих друг с другом, или об учащейся групповой игре в яслях, детском саду или в школе; подумайте об общении людей, которые обращаются друг к другу, о дружеской беседе или о совершенно бесцельных занятиях влюбленных! Раз-

¹ Штрауб Ю. Межкультурная компетенция — концептуальный анализ // Диалог культур и партнерство цивилизаций: IX Междунар. Лихачевские науч. чтения, 14–15 мая 2009 г. СПб., 2009. С. 174–183

витое практико-теоретическое понятие межкультурной компетенции должно удовлетворять всем формам человеческой практики, не только действиям, которые связаны с ясными целями или задачами и основаны на понятии эффективности. Это требование может быть выполнено, если мы будем располагать конструктом, типологически дифференцированным в вышеизложенной форме, который будет гибким в использовании применительно к различным типам актов межкультурной компетенции. Также важно для этого акта, чтобы мы придерживались определенных правил (например, социокультурных норм), не преследуя определенных целей или выгоды, а нашими действиями мы иногда увековечиваем особую, повествовательно структурированную историю — также не стремясь к определенным целям и задачам.

Замечу здесь вкратце, что обе описанные возможности типологической дифференциации «межкультурной компетенции» имеют огромное влияние на наше представление о том, *что* и *как* мы узнаем по мере того, как усваиваем, расширяем и углубляем эту компетенцию (в неформальных или официальных процессах обучения). Однако это другой вопрос, которого я не касаюсь сегодня, несмотря на его важность. А теперь я перейду ко второму вопросу.

О нормативном содержании научных понятий: попытка объективации нашей доброй воли

С моей точки зрения, научной литературе не удастся четко разграничить два понятия межкультурной компетенции. Это снова и снова приводит к путанице, которая связана с накоплением эмпирических вопросов и нормативных проблем. Понятие «межкультурной компетенции» — это, очевидно, нормативное понятие. Так происходит со многими основными понятиями социальной и культурной науки и само по себе это не плохо. Ситуация становится опасной, когда упомянутую дифференциацию полностью выпускают из вида. Следует четко понимать:

— говорим мы о межкультурной компетенции как о наборе информации/знаний, навыков и способностей (в когнитивном, эмоциональном и конативном плане), который строго необходим (или необходим и достаточен) для участия в определенной деятельности, или

— говорим мы о межкультурной компетенции как о наборе информации/знаний, навыков и способностей, которые по этическим или нравственным причинам сами считаются ценными и желанными, и поэтому их ценят и их добиваются.

В первом случае межкультурная компетенция рассматривается как связанное с задачей средство в форме сложного перформативного потенциала, который человек может приобрести и «обладать», если хочет действовать адекватно и эффективно в определенных ситуациях. Второй случай, напротив, касается этически и нравственно отличительного свойства или ценного обретения, которое само по себе является желанной самоцелью¹ в сегодняшнем многонациональном мире. (В другом месте я писал, что такие определения направлены на этически-нравственную цель челове-

¹ В духе критики власти Мишеля Фуко можно было бы также сказать «саморегулятивной»

ческого существования, основанного на понятии Другого.) Можно сделать особый акцент на эмпирически-практическом (например, психологическом) и этико-нравственном (или ценностно-нормативном) понятии межкультурной компетенции.

Во всех недавно предложенных определениях легко прослеживаются оба аспекта значения. Как я уже сказал, оно не представляет собой проблемы, пока мы осознаем этот «накопительный потенциал» и можем провести четкое разграничение между этими двумя аспектами. Это становится особенно важным, когда мы даем определение теоретическому конструкту с этико-нравственной позиции (то есть в духе, который провозглашает определенные «обязательные» ценности и нормы как основные и обязательные), так что многочисленные акты межкультурного общения и ситуации становятся *однозначно непригодными*.

Когда мы определяем границы межкультурной компетенции как исключительно вид «доброй воли», понимаемой как неограниченная доброжелательность и уважение к Иному и Другому, а также как безусловное признание их мировоззрения и стиля жизни, принятие их ценностной системы, образа жизни и системы действий, принципов и правил, тогда следующие и вполне обычные действия неизбежно становятся выражением межкультурной некомпетентности:

- действия, создающие конфронтацию;
- споры с Другими, в том числе (довольно жесткая) критика их мировоззрения и образа жизни, а также языковых игр и практик, присущих их культуре;
- сознательное нарушение принципов;
- отклонение от правил, которые могут быть обязательными для Других и служат примерами этого наряду с любыми формами стратегически убедительного общения.

Те, кто хочет изменить Другого и Иного потому, что не может полностью согласиться с другим образом мышления, чувствования, желания и действия, ведут себя, согласно определению, «межкультурно некомпетентно». Это то, что предлагают многочисленные нормативные предписания обсуждаемого теоретического конструкта.

Именно нам следует обсудить, полезно ли это, и в какой мере, и не являются ли определенные этико-нравственные идеи главенствующими здесь. В любом случае будет полезно опираться не только на мнение часто так называемых «ведущих экспертов США» (и некоторых европейских экспертов) в этой сфере исследований, но прислушиваться к голосам не-западного мира (и особенно к голосам, представляющим собой растущее число «национальных психологий» по всему миру). Я сейчас не делаю из этого третий пункт, но также нет необходимости размышлять над тем, что «мы» могли бы ожидать от такой дискуссии. Эти голоса, возможно, сказали бы нам, что конфронтация, разногласие, конфликт и насилие долгое время находились среди багажа тех самых культур, которые сегодня так много говорят о межкультурной компетенции и связывают ее с мыслью о гармоничном и удивительно спокойном мире.

Гуманистическая перспектива

В третьей части я только хочу задать вопрос, сможет ли и насколько может быть осмыслен и развит весь дискурс межкультурной компетенции в гуманистической перспективе.

Согласно доводам Губерта Канцика (1993), не существует «гуманизма» как такового — даже если ограничить себя территорией и историей Европы, не принимая во внимание другие регионы мира, в которых другие версии гуманизма давно устоялись и имеют другой вид. Скорее мы имеем дело с неоднородной и широко распространенной, но внутренне противоречивой традицией. Канцик приводит наглядные, но во многих отношениях несомнимые изводы гуманистического мышления, подобные следующим: западный, атеистический, христианский, диалектический, этический, эволюционный, экзистенциальный, древнееврейский, классический, критический, социалистический и светский гуманизм (в соавт.: Канцик, 2003, 176). Гуманизм очевидно неоднороден, и даже сегодня рождаются его новые версии.

Что касается истории понятия, оно произошло от латинского *humanitas*, что означало гуманность и человечество; это понятие появлялось в различных вариантах до XIX века, когда Фридрих Нитхаммер (1766–1848) вывел свою теорию *гуманизма*. Целью гуманизма Нитхаммера была все еще реформистская педагогика, и под гуманизмом он понимал «общую, не профессионально ориентированную подготовку к обучению, и интерес к ученику как “человеку”» (Канцик, 1993, 174). Этот так называемый «классический гуманизм» был прежде всего педагогическим новшеством, «модернизацией» целостного обучения, целью которого было общее, энциклопедическое образование человека, что подразумевало и включало в себя изучение Античности. Эта инновационная педагогика нуждалась в имеющей исторические корни концепции и ставила себе целью совершенствование «идеального человека»; в ее основание было заложено недавнее признание человеческой природы, и до сегодняшнего дня она не стала однородной, четко определенной и компактной системой, сочетающей этику и антропологию.

Только несколько десятилетий спустя, после провозглашения оригинальной реформистской программы образования, это понятие было также введено для обозначения эпохи итальянского Ренессанса (впервые его использовали Георг Фойхт и Якоб Буркхардт). В конце концов его стали повсеместно использовать как название *всевозможных* интеллектуальных течений, имеющих практическую цель. Эти течения основывались на определенной *антропологии* и *образах человечества*, отстаивали соответствующие мировоззрения и политические цели, отодвигая на дальний план связь с греко-римской Античностью, которая тогда все еще являлась образцовой для классического гуманизма. Таким образом, сегодня в нашем распоряжении имеется богатый спектр иногда довольно своеобразных видов гуманизма. Эта множественность и противоречивость — причины того, что трудно просто связать межкультурную компетенцию с гу-

манистической перспективой или считать ее гуманистической программой. Один вопрос неизбежен: *из какой именно* гуманистической перспективы следует исходить? Что данное прилагательное означает в этом отношении? Что сегодня можно считать гуманистической перспективой межкультурной компетенции, которая имела бы смысл?

Неизбежно двойственное значение гуманитарности (*humanitas*), которое также оказало влияние на многочисленные гуманистические проекты и движения, дает первую полезную, хотя и очень обобщенную и абстрактную подсказку. Согласно аргументам Канцика (2009), гуманитарность всегда подразумевала «образование» (*eruditio, litterae, scientia*) и «милосердие» (*mansuetudo, comitas, benignitas*), а также «(духовную) ученость» (*eruditio*) и «(активную) благотворительность» (филантропию). Таким образом, это понятие и, следовательно, разные гуманистические программы и движения объединяют:

— попытки универсальной (антропологической) идентификации человечества как определенного вида;

— нравственные и этические размышления о вопросах равенства и справедливости, которые в современную эпоху вращаются вокруг универсального достоинства людей и общих прав человека;

— педагогически и политически мотивированное стремление подвинуть человечество, то есть каждого индивидуума, к развитому образованию и обучению, таким образом добываясь (очевидно недостижимого) совершенства «идеального человека»;

— требование ориентировать жизнь и деятельность человека на *гуманитарные принципы* и уделять особое внимание и поддержку тем, кто находится в крайних обстоятельствах и нуждается в помощи.

Очевидно, что понятие межкультурной компетенции не возникло ни в одном из тогда существовавших гуманизмов. Это понятие родилось в нашу эпоху, когда практические и политически мотивированные рассуждения о культурных различиях привели к беспрецедентному уровню самосознания и тем самым достигли небывалой глубины. Конечно, люди всегда разграничивали культурные формы жизни, языковых игр и перформативных стратегий. Уже во времена греческой Античности Геродот писал о них с большой осторожностью и явным пониманием их трудностей, которые сравнительное изучение культур включало в себя. Но до XVIII века не существовало сравнительных антропологических исследований как таковых; только в XVIII веке эта дисциплина впервые появилась в возникающих гуманитарных, социальных и культурных науках, которые занимались систематическим сравнением культур. Например, как показывают труды Иоганна Готфрида Гердера, в XVIII веке отношения между отдельными культурами и универсальными общностями всех форм жизни человека необходимо было установить заново вследствие растущей восприимчивости к различиям и радикальному пониманию инаковости. Глубокое понимание значительных различий между формами знаний и практик, присущих разным культурам, которые в общем и целом были результатами проблем во взаимопонимании и серьезных конфликтов,

делало необходимым поиск универсальных антропологических основ. Только последнее сделало общение, сотрудничество и сосуществование возможным, несмотря на все бесчисленные, порой трудные для понимания и непримиримые культурные различия. Это понимание стало предвестником наступления эпохи «межкультурной компетенции», хотя это столь популярное в настоящее время выражение впервые было использовано только в последней трети XX века.

Это понятие также вошло в гуманистическое наследие не только потому, что оно касалось всего человечества, то есть совокупности всего вида, несмотря на усиливающийся и разграничивающий опыт культурных различий. С настойчивым требованием межкультурной компетенции единство человечества было объявлено *практической, современной* задачей. (Кроме того, его больше не считают врожденным в силу антропологической константы!) Эта блистательная компетенция должна установиться, утвердиться и, следовательно, обеспечить единство, четкие взаимоотношения и практическую связь между людьми и между их неизбежно отдельными, культурно определенными формами жизни и языковых игр, перформативными стратегиями и идентичностями.

Более того, гуманистическое наследие сохраняет релевантность, так как оно считается вызовом нашим практическим способностям и навыкам, *развитие* которых обязательно. Без этой образовательной и обучающей цели высшего порядка, которая относится к принципиальной возможности улучшения и совершенствования людей, было бы непонятно, зачем мы так долго говорим о межкультурной компетенции и зачем мы сделали ее задачей различных психолого-педагогических усилий. Как уже было сказано выше, Другой и Чужой теперь стали чем-то вроде «перемещенной данности» и средством постоянного обучения. Именно всем этим другим/чужим культурам, разбросанным по всему миру, мы можем, должны и желаем учиться. В определенной степени мы должны это делать, чтобы понять, кто мы и кем мы сами стали и хотели бы стать в будущем. Так же важно наше упорство в сраженном мире «культурных соперников». Понятие «межкультурной компетенции» включает в себя все это, хотя оно в основном касается практического и учебного потенциала *индивидуумов*.

Далеко идущее этическое и нравственное утверждение «межкультурной компетенции» ассимилирует до сих пор нетронутые потенциалы гуманистической традиции и предлагает их дальнейшее исследование. Как понятию, ему требуется чувствительность по отношению к отличиям, уважение и признание Другого и Чужого, чего в (европейской) истории «межкультурного общения» часто не хватало тем, кто становился жертвами насилия, берущего свое начало в самом сердце Европы. В этом отношении межкультурная компетенция содержит аспект, изучающий ее саму, а также самокритичную позицию, что доволь-

но трудно осуществить в отношении собственного прошлого и настоящего. Это породило необычную форму «проприофобии», которая представляет собой некую разновидность страха и антипатии к самому себе (особенно это заметно в отношении периода нацизма в Германии, когда геноцид евреев Европы, преступление против человечества, стал памятником бесчеловечности).

Достаточно бегло взглянуть на известные примеры (Штрауб Ю. Лихачевские чтения, 2009), чтобы убедиться, что определенные ценности и основные нормативные взгляды, которые в ходе критического процесса воспоминания и размышления о чрезмерном коллективном насилии заняли заметное место в коллективном сознании, также присутствуют в понятии межкультурной компетенции. В этом отношении это дитя европейского и во многих отношениях глобального гуманизма, который принимает собственные принципы. Это касается и желания связать этическое и моральное представление о самом себе у каждого индивидуума и человечества в целом с восприятием Другого и Чужого, чтобы развить это восприятие до уровня желаемой терпимости, достаточно сильной для необходимой нейтрализации собственного Я — ради ненавязчивых и стабильных отношений признания, а не ради насильственного подавления противника. В готовности и возможности испытать культурные изменения, межкультурное общение, сотрудничество и сосуществование как средство воспитания «идеального человека» следует видеть и важный признак современных стремлений к межкультурной компетенции, и традиции, и будущее гуманизма.

Заканчиваю этот доклад утверждением, что обучение межкультурной компетенции в конце концов станет еще одним шагом в кропотливом процессе образования, с помощью которого индивидуумы, отдельные группы и все человечество стараются научиться общаться с Другим и Чужим, изначально не воспринимая его как врага. Даже в свое время Гердер считался слишком оптимистично настроенным (но ни в коем случае не наивным), когда говорил об окончании времени вражды и конфликтов, отмеченном вспышками чрезвычайного насилия. Давайте процитируем его слова или, скорее, его вопрос, который, возможно, не такой уж «риторический», как полагал его оптимистичный автор: «Где те времена, когда такие племена, как троглодиты, сидели в своих пещерах за стенами, и каждый незнакомец был врагом?» (Гердер, 1784/1989, 659). Сегодня мы должны ответить, что эти времена не окончились до сегодняшнего дня и, кроме того, маловероятно, что они когда-либо закончатся. Тем не менее они демонстрируют возможность будущего человечества. Те, кто имеет смелость говорить о межкультурной компетенции и представлять ее достижение и дальнейший «гуманистический» проект широкого спектра, не должны терять из вида свои цели.